

по ходатайству одной из сторон откладывает окончательное принятие решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу на срок не более чем 72 часа для представления заявившей такое ходатайство стороной дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Судья указывает в постановлении дату и время, до которых он продлевает задержание, которое признано судом законным (п.3 ч.7 ст.108).

ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

С.Б. РОССИНСКИЙ

кандидат юридических наук, доцент

(Московский городской университет управления Правительства Москвы)

На протяжении длительного времени в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе ведутся бурные дискуссии, касающиеся задержания подозреваемого. Предметом этих дискуссий является вопрос, следует ли расценивать задержание подозреваемого как следственное действие или как процессуальное решение. Так, группа ученых-процессуалистов во главе с С.А. Шейфером придерживалась мнения, что задержание подозреваемого является неотложным следственным действием¹. Правда позднее С.А. Шейфер выдвинул несколько иную точку зрения, задержание подозреваемого – это следственное действие, обладающее определенной спецификой, поскольку застигая лицо в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, следователь (сотрудник органа дознания) фактически становится свидетелем по делу. Поэтому, составив протокол задержания подозреваемого, он должен устраниваться от дальнейшего расследования². О задержании подозреваемого как о следственном действии обычно пишут и криминалисты. Более того, в настоящее время в учебной литературе имеются целые главы, посвященные тактике задержания.

Противоположной точки зрения придерживаются другие ученые во главе с В.Н. Григорьевым, которые считают задержание подозреваемого исключительно мерой уголовно-процессуального принуждения. При этом они поясняют, что представление об этом процессуальном мероприятии как следственном действии обычно основывалось на том, что ст.119 УПК РСФСР упоминала его в числе неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, а ст.87 УПК РСФСР относил протокол

¹ Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1972. С.44.

² Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М., 2001. С.66.

задержания подозреваемого к числу источников доказательств по уголовному делу¹.

Включившись в дискуссию по поводу процессуальной природы задержания подозреваемого, мы присоединились к мнению В.Н. Григорьева. Нами был сделан вывод, что следственное действие – это производимое следователем (дознавателем) в соответствии с уголовно-процессуальным законом процессуальное действие, представляющее совокупность поисковых, познавательных и удостоверительных операций, направленное на обнаружение и закрепление фактических данных, имеющих значение для уголовного дела. А задержание подозреваемого, в свою очередь, не содержит ни поисковых, ни познавательных, ни удостоверительных операций. Даже из оглавления, как УПК РФ, так и УПК РСФСР, видно, что соответствующие статьи, регламентирующие задержание подозреваемого, не включены в главы, посвященные следственным действиям. Более того, ч.1 ст.157 УПК РФ, уже не конкретизирует неотложных следственных действий. В ст.83 УПК РФ также не говорится, какие именно протоколы являются источниками доказательств. Поэтому аргументы оппонентов В.Н. Григорьева с принятием УПК РФ, на наш взгляд, несостоятельны, и задержание подозреваемого следует расценивать сугубо как меру уголовно-процессуального принуждения.

Вместе с тем, как пишет В.Н. Григорьев, сам по себе термин «задержание», можно понимать двояко. Во-первых, это действия по захвату, поимке подозреваемого лица. Такие действия называют фактическим задержанием (захватом) или доставлением. Во-вторых, это составление протокола задержания с водворением в изолятор временного содержания² – то есть процессуальное решение органа дознания или следователя о кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Изначально мы также придерживались указанной позиции, однако наши дальнейшие исследования по данной проблематике показали, что термин «задержание подозреваемого» можно трактовать еще в одном значении, а именно как целый комплекс мероприятий, обусловленных принятием процессуального решения о задержании подозреваемого. Так гл.12 УПК РФ, которая называется «задержание подозреваемого», регламентирует несколько более широкий круг уголовно-процессуальных отношений, чем фактический захват лица или принятие решение о его задержании. Законодатель, помимо этого, предусматривает, например, необходимость производства личного обыска (ст.93) и допроса (ч.2 ст.46) задержанного, а также еще целого ряда мероприятий.

В связи с этим следует отметить, что нами уже предпринималась попытка изучения комплексных уголовно-процессуальных мероприятий, которые мы называли процессуальными комбинациями. Так, под процессуальной комбинацией, на наш взгляд, следует понимать предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообуслов-

¹ Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. – М., 1999. С.66.

² Григорьев В.Н. Указ. работа. С.50.

ленных следственных действий и иных процессуальных мероприятий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. К процессуальным комбинациям мы относим, например, такие комплексные мероприятия как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст.185) и контроль и запись переговоров (ст.186).

В связи с изложенным думается, что комплекс действий, обусловленных принятием решения о задержании подозреваемого и регламентированных гл.12 также следует расценивать как процессуальную комбинацию. Так, во-первых, задержание подозреваемого как и другие процессуальные комбинации представляет собой совокупность следующих взаимообусловленных мероприятий:

- разъяснение подозреваемому его прав. Законодатель, к сожалению, в гл.12 прямо не предусматривает обязанность дознавателя, следователя или прокурора разъяснять права лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления. Однако такая обязанность вытекает из уголовно-процессуального принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, в соответствии с которым подозреваемому должны быть разъяснены его права и предоставлена возможность обеспечения этих прав (ч.1 ст.11). Более того, законодательно закрепленный бланк протокола задержания подозреваемого (приложение 28 к ст.476) содержит перечень этих прав;

- личный обыск задержанного (ст.93), который производится по общим, правилам, предусмотренным ст.184, но без получения судебного решения. Законодатель прямо не указывает, сроки, в которые необходимо провести это следственное действие. Однако, исходя из содержания закона и учитывая, что бланк протокола личного обыска структурно включен в общий протокол задержания подозреваемого, можно сделать вывод, что обыскивать подозреваемого следует незамедлительно после принятия решения о задержании;

- допрос подозреваемого (ч.2 ст.46), который должен быть произведен в течение 24 часов с момента фактического задержания по правилам, установленным ст.189, 190 УПК РФ;

- письменное уведомление прокурора о задержании подозреваемого. Такое уведомление дознаватель (орган дознания) или следователь обязаны направить в течение 12 часов с момента фактического задержания;

- уведомление о задержании заинтересованных лиц. Так, в соответствии со ст.96 дознаватель, следователь или прокурор не позднее 12 часов с момента задержания уведомляет кого-либо из близких родственников, подозреваемого, а при их отсутствии – других родственников или предоставляет возможность такого уведомления самому подозреваемому. При задержании военнослужащего об этом уведомляется командование воинской части. Если подозреваемый является гражданином или подданным другого государства, о задержании уведомляется соответствующее посольство или консульство.

Одновременно с осуществлением вышеназванных процессуальных мероприятий органы предварительного расследования или прокурор могут производить и другие (в том, числе следственные действия), которые в частности направлены на собирание доказательств для предъявления этому лицу обвинения. Однако проведение таких мероприятий законом строго не регламентировано. Они носят скорее тактический характер, поэтому не могут расцениваться как элементы процессуальной комбинации.

Во-вторых, вся процедура проведения комплекса действий по задержанию подозреваемого, как и в других процессуальных комбинациях, прямо регламентирована УПК РФ (гл.12). Закон определяет порядок, последовательность, а в некоторых случаях и сроки производства всех мероприятий – элементов процессуальной комбинации. В-третьих, все осуществляемые в ходе задержания подозреваемого мероприятия носят сугубо процессуальный характер. Так, допрос и личный обыск являются следственными действиями, результаты которых могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Остальные осуществляемые в ходе задержания мероприятия также носят процессуальный характер и направлены на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, – самого подозреваемого. В-четвертых, все осуществляемые в ходе задержания подозреваемого процессуальные мероприятия направлены на решение частной (локальной) задачи уголовного судопроизводства, а именно на задержание лица и закрепление за ним уголовно-процессуального статуса подозреваемого. И, наконец, в пятых, все производимые в ходе задержания подозреваемого мероприятия, как и в других процессуальных комбинациях, обусловлены одним общим решением, закрепленным в уголовно-процессуальном акте – протоколе задержания подозреваемого. При определении сущности процессуальной комбинации нами было сделано предположение, что решение, обуславливающее процессуальную комбинацию, как правило, должно быть закреплено в постановлении. В данном случае протокол задержания следует расценивать как исключение из правила, поскольку данный уголовно-процессуальный документ вообще представляется неким исключением и, по сути, должен быть постановлением.

И в завершении отметим, что задержание подозреваемого, как и любая другая процессуальная комбинация, вполне может быть включено в качестве отдельного элемента, как в тактическую комбинацию, так и в тактическую операцию. Так, например, этот комплекс процессуальных действий можно рассматривать как звено сложной тактической операции по реализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Такая операция должна включать: непроцессуальные мероприятия по установлению, фактическому задержанию и доставлению лица, подозреваемого в совершении преступления; следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на получение оснований для задержания (отработка жилого сектора, предварительное исследование, допросы очевидцев и потерпевшего и т.д.); процессуальная комбинация – задержание подозреваемого; производство ряда следственных действий, направленных на получение и проверку доказа-

тельств, необходимых для предъявления лицу обвинения (обысков, выемок, допросов свидетелей, очных ставок, предъявлений для опознания и т.д.); привлечения лица в качестве обвиняемого и при необходимости получение судебного решения о его аресте.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОРУЖИЯ К УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Б.Б. БУЛАТОВ
*заслуженный юрист России,
доктор юридических наук
(Омская академия МВД России)*

В рамках уголовного судопроизводства применительно к реализации конституционного права граждан на личную неприкосновенность особую актуальность приобрела проблема физического принуждения (ограничения телесной неприкосновенности) участников уголовно-процессуальной деятельности¹. В процессуальной и криминалистической литературе применение телесного насилия при проведении следственных и процессуальных действий рассматривается как исключительная мера, которая может иметь место лишь в крайних случаях, когда невозможно иным образом решить задачи расследования.

Вопросы использования физической силы как средства, обеспечивающего фактическое производство следственного либо иного процессуального действия, несмотря на то, что уже длительное время обозначены и обсуждаются на страницах юридической печати (Г. Абдумаджидов, З.З. Зинатуллин, С.А. Шейфер, А.А. Чувилев, И.Л. Петрухин, А.Н. Ахпанов, В.М. Корнуков, В.А. Куликов, Н.С. Манова), являлись предметом диссертационных исследований (И.В. Матвиенко, А.В. Писарев, Е.Г. Васильева), не относятся к числу основательно разработанных и решенных в уголовно-процессуальной теории.

Поэтому не случайно, что сначала в законопроектах, а затем и в принятом УПК РФ сама возможность и правила применения физического принуждения не нашли отражения. На пробелы в УПК РФ в части определения условий правомерного физического принуждения при производстве следственных действий справедливо обращено внимание в юридической литературе. Так, относительно производства следственных действий С.А. Шейфер пред-

¹ В юридической литературе обсуждается и проблема использования при производстве по уголовным делам психического принуждения. Нами она не анализируется, поскольку довольно обстоятельно исследована в ряде фундаментальных научных трудов А.Р. Рагинова, А.В. Дулова, Г.Г. Доспулова, И.Л. Петрухина, В.С. Шадрина, А.В. Писарева и других.